

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ КРИЗИСОВ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ: ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В. Т. Рязанов

Статья посвящена истории разработки теории экономических кризисов при капитализме. Выделяются два направления в развитии экономической науки. Одно направление представляют научные школы, отрицающие объективные основания кризисов перепроизводства в рыночной экономике и разрабатывающие модели бескризисного развития. Противоположного направления придерживаются научные школы, которые признают наличие объективных причин кризисов, что имеет практическое значение для выработки эффективных антикризисных мер. Исследование обобщается выводом об актуализации политэкономического подхода к анализу последнего мирового кризиса и его последствий. Его реализация предопределяет особое внимание к разным версиям возникновения перенакопления капитала, что сыграло ключевую роль в зарождении кризисных процессов в мировой экономике.

Экономическая наука обратилась к специальному исследованию циклов и кризисов перепроизводства в период, когда уже сложились ее основы, а произошел первый такой кризис в Англии в 1825 г. Следует отметить, что в последующем многочисленные представители разных научных школ отрицали наличие объективных причин кризисов перепроизводства, связывая их возможность с допущенными просчетами, войнами, политическими событиями, стихийными бедствиями. Такой подход опирался на ключевое утверждение о том, что рыночный механизм обладает способностью автоматически уравнивать спрос с предложением. Первоначально сама идея автоматизма в согласовании спроса и предложения была обоснована Ж. Б. Сэем (1767–1832) и получила название закона Сэя. Согласно ему предложение рождает свой собственный спрос, поскольку в процессе производства существует равенство дохода и стоимости продукции. В случае превращения части дохода в сбережения, которые не используются непосредственно на приобретение товаров, они автоматически превращаются в инвестиции и, таким образом, вновь возвращаются в производственный процесс, обеспечивая равенство сбережений и инвестиций. Этим в принципе исключается проблема реализации, а значит, и возможность кризисов перепроизводства. Если она все же возникает, то причина находится в действии внешних и случайных факторов.

Можно считать, что первым экономистом-теоретиком, который попытался обнаружить объективные предпосылки возникновения кризисов перепроизводства, был Сисмонди (1773–1842), который в 1819 г. еще до произошедшего первого кризиса перепроизводства, отвергая автоматизм равновесия в рождающейся капиталистической экономике, выдвинул «теорию недопотребления» в качестве такой причины [14]. В свою очередь, недопотребление швейцарский экономист объяснял тем, что технический прогресс, вытесняя рабочих из производства, заставляет их трудиться за меньшую заработную плату. Ее же сокращению также способствует рост рабочего населения, приводящий к появлению безработицы. В результате потребительский спрос затухает, хотя предприниматели продолжают расширять производство, что оборачивается наступлением кризиса перепроизводства.

В данном случае отсылка к Сисмонди оправдана тем, что связь экономического роста с емкостью потребительского рынка и с величиной спроса в действительности существует, а ее нарушение определяет одну из конкретных причин возможности кризиса перепроизводства и его масштаба. Поэтому и сегодня варианты недопущения кризиса многие экономисты увязывают с расширением спроса, для чего периодически возникают разные схемы реализации кредитной экспансии, не говоря уже о простых денежных выплатах населению в разных формах.

Первым экономистом, разработавшим фундаментальную теорию кризисов, был К. Маркс. Хотя он и не успел подготовить отдельную работу, посвященную теории кризисов, но немало преуспел в ее создании в рамках общего понимания противоречивого течения воспроизводственного процесса при капитализме.¹ Причем эта проблема занимала весьма заметное место в его трактовке судьбы капиталистического хозяйства в исторической перспективе.

В доказательстве неизбежности кризисов при капитализме Маркс приводит их зависимость не только от недостатка спроса и недопотребления работников, а в первую очередь от более глубокой причины, действующей в сфере воспроизводства (накопления) капитала. Ведь совокупный спрос характеризуется единством его потребительского и инвестиционного элементов, то есть спроса со стороны потребителей (населения) и предпринимателей (инвесторов). И это самое простое объяснение. Более сложным является расшифровка этого единства не только как взаимодополняющегося, но и одновременно противоречивого.

В чем проявляется данная противоречивость? Другими словами, чем конкретно различается роль потребительского и инвестиционного спроса в воспроизводственном процессе?

Дело в том, что, как еще было выявлено А. Смитом и Д. Рикардо, рыночный конкурентный механизм и закономерности экономического развития объективно приводят к процессу усреднения нормы прибыли с запуском тенденции к ее понижению. Вот, к примеру, как Д. Рикардо объяснял причину выравнивания нормы прибыли: «...Неугомонное стремление всех капиталистов оставлять менее прибыльное дело для более прибыльного создает сильную тенденцию приводить прибыль всех к одной норме ...» [11, с. 81].

Хотя следует отметить, что Смит и Рикардо давали близкие, но и неодинаковые по содержанию толкования выравнивания нормы прибыли. Смит писал: «Возрастание капитала, увеличивающее заработную плату, ведет к понижению прибыли» [16, с. 210]. В свою очередь, Рикардо также обосновывал, что «общая прибыль падает и для нее постепенно устанавливается более низкий уровень вследствие повы-

шения заработной платы и увеличивающейся трудности снабжения возрастающего населения предметами насущной необходимости» [11, с. 105]. Тем самым в его трактовке падение нормы прибыли увязано с действием падающей отдачи труда в сельском хозяйстве (или убывающей производительности в земледелии), которое ведет к росту стоимости его продукции и, соответственно, требует повышения заработной платы наемных рабочих, что сокращает прибыль предпринимателей.

Выявив причину сокращения общей нормы прибыли капитала из-за возможного опережающего роста заработной платы, Смит и Рикардо этим ограничились, не ставя вопрос о возможности наступления кризиса перепроизводства. Для них такой процесс представлялся естественным состоянием экономики, которому присущи свои внутренние ограничения, но при этом преодолимые. Поэтому вопрос о кризисе ими специально не обсуждался. Принять во внимание надо и то, что первый циклический кризис перепроизводства в действительности произошел после выхода их основных произведений. Фактически обнаруженная основоположниками классической политэкономии тенденция представляет собой статичное и абстрактно-теоретическое объяснение существования самой взаимозависимости при распределении доходов на прибыль и заработную плату, которые отражают сдвиги в соотношении спроса и предложения. При этом Смит в действии данной тенденции видел в целом положительную сторону, поскольку в процессе экономического развития процветающих стран «низкая норма прибыли может компенсировать высокую заработную плату в цене многих товаров и позволить продавать товары этих стран столь же дешево, как это делают их менее преуспевающие соседи, у которых заработная плата ниже» [16, с. 221]. Иначе говоря, падение нормы прибыли компенсируется ростом ее массы за счет расширения платежеспособного спроса, и это как раз и поддерживает стимулирующий потенциал капиталистического производства².

Если же падение нормы прибыли связать с обоснованием наступления кризиса перепроизводства, отражающего наращивание избыточных мощностей, то тогда формально можно

¹ Известно, что согласно первоначальному замыслу «Капитала» завершающий шестой том исследования должен был быть посвящен мировому рынку и кризисам. Отметим, что взгляды К. Маркса на природу, причины и последствия кризисов перепроизводства при капитализме наиболее полно изложены в «Капитале».

² Рикардо также доказывал, что падение нормы прибыли носит «естественный» характер и может блокироваться за счет, в частности, технических усовершенствований. К тому же, как он объяснял, «падение общей нормы прибыли вовсе не несовместимо с частичным повышением прибыли в отдельных отраслях» [11, с. 105].

выявить внешне неразрешимую дилемму, своего рода «капиталистические качели» в системе общественного воспроизводства. При опережающем росте заработной платы обеспечивается расширение совокупного спроса, и с этой стороны устраняется одно из препятствий в поддержании экономического роста. Но при этом рост зарплаты, сокращая прибыль предпринимателей, лишает капиталистическое производство стимулов к дальнейшему увеличению с соответствующими негативными последствиями (к примеру, стагнацией производства или инфляционным подъемом). Если же опережающими темпами растет прибыль, создавая соответствующие стимулы наращивания темпов производства, то в этом случае замораживание зарплаты или ее замедленный рост оборачивается ограниченностью спроса и наступлением кризиса перепроизводства.

Логика Маркса отличается от абстрактных рассуждений Смита — Рикардо содержательным и четким объяснением как причин появления тенденции к понижению средней нормы прибыли, так и последствиями ее действия. Само возникновение данной тенденции Маркс объясняет не убывающим плодородием земли и необходимостью часть создаваемой стоимости отдавать землевладельцам в виде ренты, а тем, что конкурентная борьба постоянно побуждает предпринимателей стремиться к повышению производительной силы труда, а оно, в свою очередь, отражает процесс постоянного и опережающего роста средств производства в сравнении с привлечением рабочей силы как результата действия НТП и приводит к росту технического и стоимостного (органического) строения капитала с последующим уменьшением нормы прибыли¹. При этом падение нормы прибыли не исключает увеличение абсолютной массы прибыли, а само оно встречает противодействующие факторы, превращая его в тенденцию. Важно также учитывать и то, что «норма прибыли отдельного капитала определяется не рыночной ценой товара, а разницей между рыночной ценой и издержками производства», и только затем «эти различные нормы прибыли могут выравниваться...» [7, с. 405]. Тем не менее действие средней нормы прибыли к снижению в определенные периоды «способствует перепроизводству, спекуляции, кризисам, появлению избыточного капитала

наряду с избыточным населением» [7, с. 265]. И это связано с существованием предела капиталистического способа производства, который обнаруживается в том, «что порождаемое развитием производительной силы труда понижение нормы прибыли представляет собой закон, который на известном пункте самым резким образом приходит в столкновение с собственным развитием производительной силы труда и потому всегда должен преодолеваться посредством кризисов» [7, с. 283].

Дополнив эту характеристику капиталистического производства ограниченностью потребительского спроса населения, не соответствующего поглощающей способности рынка, мы получаем представление о двухфакторном объяснении экономического кризиса при капитализме. Такой подход к определению природы и причин экономических кризисов вполне заслуженно можно отнести к признанному вкладу Маркса в экономическую теорию. В данном случае сошлемся на В.В. Леонтьева, который писал: «Два основных варианта объяснения Марксом деловых циклов, или, точнее, „экономических кризисов“, хорошо известны. Один — это теория недонакопления, основанная на известном законе снижения нормы прибыли, второй — теория недопотребления» [6, с. 102-103].

Хотя Маркс кризисы перепроизводства анализировал как периодические (повторяющиеся), и с этой стороны они выступали в рамках циклических процессов, характеризуя одну из фаз промышленного цикла. Но их нельзя сводить к широко используемому в настоящее время варианту обычных бизнес-циклов. По существу циклическое проявление кризисов у Маркса имеет системную подоплеку, обусловленную внутренними противоречиями, присущими самому капиталистическому воспроизводству. Для него системный характер кризиса объяснял историческую обреченность самого капиталистического способа производства. Однако экономическая практика продемонстрировала другой возможный вариант разрешения системного кризиса, когда трансформация циклического кризиса в системный определяет разворотный пункт в очередной смене моделей капиталистического хозяйства.

Первоначальные разработки теории кризисов при капитализме, наиболее основательно проработанные Марксом, в последующие периоды получили разнонаправленное развитие. Сохранилась и продолжилась линия на отрицание объективных причин возникновения кризисов, представленная прежде всего в не-

¹ «...Возрастающая тенденция общей нормы прибыли к понижению, — обосновывал Маркс, — есть только выражение прогрессирующего развития общественной производительной силы труда, выражение свойственное капиталистическому способу производства» [7, с. 233].

оклассическом мейнстриме. Опираясь на все еще живой «закон Сэя», современные макроэкономические теоретики по-прежнему соблазняются поисками модели бескризисного развития. Хорошей иллюстрацией данного положения является то обстоятельство, что произошедший кризис в 2008–2009 гг. оказался неожиданным для большинства экономистов неоклассической школы. Еще несколько лет назад среди ее видных представителей широко хождение имела установка о том, что с кризисами при капитализме покончено окончательно¹.

Прогностический просчет не был случайным и объясняется исходной трактовкой самого характера экономического роста. С точки зрения неоклассических версий макроэкономики главными факторами роста выступают ресурсы (труд, капитал, технологии, информация), эффективное использование которых способно обеспечить приемлемую норму прибыли и улучшить динамические характеристики производства. На таком подходе строятся основные неоклассические макроэкономические модели роста, интерпретирующие и усложняющие производственную функцию, которая описывает влияния двух основных факторов роста — труда и капитала.

Такого рода модели нацелены на количественную оценку влияния факторов на выпуск продукции со стороны производства (предложения), учитывая их совокупную величину и удельный вес отдельных факторов производства. При этом разработка моделей превращается в самоцель, отрываясь от реальных процессов. Собственно сама математизация становится неким способом подчинить хозяйственную жизнь правилам абсолютной рациональности. Поэтому предсказательная сила таких моделей и уравнений не столь велика, поскольку оторвана от реальных хозяйственных процессов. В этой связи показательно замечание авторитетного макроэкономиста Н. Мэнкью: «...Как ни печально это признавать, но макроэкономические исследования последних трех десятилетий оказали лишь минимальное влияние на практический ана-

лиз монетарной и фискальной политики». Это означает, что «современные макроэкономические исследования недостаточно широко используются в реальном политическом планировании», а потому «в них мало практической пользы» [10, с. 101].

Современные макромоделли, конечно, полезны для раскрытия стационарного состояния экономики, базирующегося на достижении равновесия спроса и предложения, но они игнорируют роль фактора платежеспособного спроса, которая становится ключевой в кризисный период. Более того, в действительности капиталистическая рыночная экономика является не столько ресурсоограниченной, сколько спросоограниченной, что особенно ярко проявляется в период кризиса, когда резко обостряется проблема недогрузки производственных мощностей и возникает перепроизводство продукции. Поэтому лимитирует выход из кризиса не недостаток эффективных производственных мощностей, а напротив, их избыток, отражающий как перенакопление капитала, так и сужение спроса.

Хотя надо отметить, что в рамках современного мейнстрима была предпринята попытка разрешить проблему ограниченности спроса как причины кризисов перепроизводства. Ставка была сделана на беспрецедентное расширение ипотечного и потребительского кредитования, которое осуществлялось в США и других развитых капиталистических странах с конца XX в. Такой курс рассматривался как наконец-то найденное замечательное средство, излечивающее капитализм от неизбежных кризисов и продвигающий его к новым вершинам «общества всеобщего потребления» — фазе «неограниченного потребления (или сверхпотребления)». Это магическое средство предполагало опору на так называемый «эффект богатства», при котором сбережения населения генерируются не доходом от участия в хозяйственной деятельности, а образуются за счет владения «богатством» (в первую очередь недвижимым имуществом). Сбережения от активов, возникающие, прежде всего, от недвижимости и от получения разного вида процентных выплат, трактовались в качестве источника будущего развития, у которого исчезают всякие преграды. Ведь богатство можно расширять до бесконечности.

Благодаря накопленному богатству и его дальнейшему расширению за счет кредитной экспансии, как считалось, удастся поддерживать устойчивый спрос в экономике США, блокируя рецессию и сохраняя высокую экономи-

¹ Так, чикагский профессор Роберт Лукас (нобелевский лауреат по экономике за 1995 г.), выступая в 2003 г. на ежегодном собрании Американской экономической ассоциации, заявил, что центральная проблема «недопущения депрессии» снята, «если говорить о ней на практическом уровне». Отсюда следовал вывод, что наступило время заняться более важным вопросом — долгосрочным экономическим ростом. Об этом же писал и Б. Бернанке, ставший впоследствии председателем Совета управляющих ФРС.

ческую динамику в стране. Немаловажно и то, что дополнительным стимулом в этом выступала мягкая монетарная политика ФРС, особенно в период 2001–2003 гг. И еще стоит подчеркнуть то, что такая модель самоподдерживающегося (бескризисного) экономического роста обеспечивалась не на основе отработанного в прошлом варианта повышения заработной платы, реальная величина которой в последнее десятилетие фактически имела тенденцию к снижению, а за счет увеличения стоимости жилого имущества населения, приобретаемого им по все более привлекательным схемам ипотечного кредитования.

Важно отметить, что опора на эффект богатства представляет собой новую формулу развития давней идеи о так называемой капиталотворческой функции кредита и финансовых институтов (банков и других финансовых структур). В свое время Й. Шумпетер в книге «Теория экономического развития» (1912 г.) доказывал, что кредит по своему существу есть «создание покупательной способности для передачи ее предпринимателю». Она, в свою очередь, «характеризует способ, которым осуществляется развитие в открытой экономике» [19, с. 179]. Отсюда и роль кредитного расширения как средства блокирования кризисных явлений.

Однако следует учитывать, что сама по себе реализация политики расширения доступности кредита, осуществляемая без должного контроля, ведет к кредитной экспансии с неизбежным перекредитованием (то есть образованием кредитного пузыря) и закономерным кризисным обвалом, что и произошло в США в 2008 г. с последующим распространением кризиса по всему мирохозяйственному пространству.

Почему в конечном счете не оправдалась надежда на способность «эффекта богатства» снять проблему цикличности в развитии капиталистической экономики?

В первую очередь, это связано с тем, что реальное богатство создается благодаря производственной деятельности. Его действительный источник — производительный труд, опирающийся на достижения НТП, повышение квалификации работников, совершенствование организации производства и управления и т. п. Накопленное богатство в виде жилья и имущества, как показала хозяйственная практика, может выступать в качестве определенного способа своего увеличения. Однако этот способ базируется на перераспределительных отношениях и потому его пределы связаны с

возможностью — экономической и внеэкономической — извлекать доход от производящих стран. Во всяком случае, приходится учитывать, что такие перераспределительные процессы неизбежно ведут к масштабным перекосам в глобальной экономике, за которыми скрываются усиливающиеся конфликты и противоречия в сложившемся мирохозяйственном устройстве. Они не могут постоянно воспроизводиться и требуют своего разрешения через кризис.

К тому же и внутри экономик, сделавших ставку на экономический рост за счет «эффекта богатства», возникают свои пределы в его использовании. Ведь бесконтрольное расширение доступности кредита рано или поздно ведет к критическому увеличению ненадежных долгов. Если при этом проводится политика дерегулирования и либерализации финансовой деятельности, подкрепленная деиндустриализацией, что и происходило в США и других развитых капиталистических экономиках, то развитие кредитно-деривативного рынка закономерно завершается появлением «мыльного пузыря» и его последующим схлопыванием.

Неудача в очередной попытке найти модель бескризисного развития еще раз подтверждает значимость тех теорий, в которых продолжала разрабатываться проблематика цикличности и кризисов в экономическом развитии. О том, что это важно не только для теории, но и для хозяйственной практики, свидетельствует сама регулярность кризисных спадов. Так, согласно данным американского Национального бюро экономических исследований (NBER), которое отслеживает конъюнктурные процессы в экономике США с первого кризиса в 1857 г., в этой стране уже случилось 33 рецессии, две из которых произошли в наступившем XXI в.¹ Из них 22 рецессии произошли в XX — начале XXI вв.:

1. 1902 г. — авг. 1904 г. (24 мес.)
2. Май 1907 г. — июнь 1908 г. (14 мес.)
3. Янв. 1910 г. — янв. 1912 г. (25 мес.)
4. Янв. 1913 г. — декабрь 1914 г. (24 мес.)
5. Авг. 1918 г. — март 1919 г. (8 мес.)
6. Янв. 1920 г. — июль 1921 г. (19 мес.)
7. Май 1923 г. — июль 1924 г. (15 мес.)
8. Окт. 1926 г. — ноябрь 1927 г. (14 мес.)
9. Авг. 1929 г. — март 1933 г. (44 мес.)
10. Май 1937 г. — июнь 1938 г. (14 мес.)

¹ См.: Национальное бюро экономических исследований США (NBER) National bureau of economic research [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nber.org/cycles/cyclesmain.html>, дата обращения: 19.07.2014.

11. Февр. 1945 г. — октябрь 1945 г. (9 мес.)
12. Нояб. 1948 г. — октябрь 1949 г. (12 мес.)
13. Июль 1953 г. — май 1954 г. (1 мес.)
14. Авг. 1957 г. — апрель 1958 г. (9 мес.)
15. Апр. 1960 г. — февраль 1961 г. (11 мес.)
16. Дек. 1969 г. — ноябрь 1970 г. (12 мес.)
17. Нояб. 1973 г. — март 1975 г. (17 мес.)
18. Янв. 1980 г. — июль 1980 г. (7 мес.)
19. Июль 1981 г. — ноябрь 1982 г. (17 мес.)
20. Июль 1990 г. — март 1991 г. (9 мес.)
21. Март 2001 г. — ноябрь 2001 г. (9 мес.)
22. Дек. 2007 г. — июнь 2009 г. (19 мес.)

Теории, которые продолжали разработку кризисной проблематики, характеризуют вторую и более реалистичную линию в развитии экономической науки с ее нацеленностью на анализ причин кризисов и выработку систем защиты и способов их преодоления. Для них свойственно выдвижение в качестве главного объекта анализа общей проблемы циклических колебаний в рыночной экономике, в рамках которой исследовались и кризисные процессы. Тем самым кризис (рецессия) выступал как проявление и сторона сугубо экономического цикла. Многообразие концепций и многофакторные аналитические модели с разных сторон объясняют природу и конкретные причины циклов при капитализме, ориентируясь на возможности их применения в антикризисной практике.

В объемном исследовании теорий циклов, которое провел Г. Хаберлер, хотя и отсутствует непосредственный анализ марксистской теории кризисов, оказывается, что значительная их часть разрабатывали разные версии общей концепции перенакопления капитала [18]. Причем надо отметить, что природу и причины возникновения перенакопления ее современные разработчики трактуют крайне неопределенно, что отличается от четких характеристик у Маркса. При этом выделяются два подхода. Один из них разрабатывает монетарную версию перенакопления, в которой особая роль придается банкам (кредиту) в возникновении диспропорций в структуре производства при неспособности финансовой системы продолжать расширение кредита. В другом — представлены немонетарные теории перенакопления, которые выделяют значение технико-технологических изменений в самом производстве. Вместе с тем в обосновании рекомендаций по проведению антикризисной политики обе версии делают главный акцент на необходимости активизации инвестиционной деятельности, а не на расширении потребительского спроса. Можно считать, что

в практическом отношении такой подход не противоречит теории кризисов Маркса.

Отметим, что советская политэкономия традиционно уделяла большое внимание изучению экономических кризисов при капитализме и преуспела в анализе их истории [2; 8]. Определенным недостатком был относительно упрощенный классовый подход к объяснению причин кризисов с чрезмерным акцентом на основное противоречие капитализма. Его формулировал Маркс, раскрывая антагонизм общественного характера производства и частной формы присвоения, который порождает противоречие между производством и потреблением и приводит к обострению классовой борьбы в буржуазном обществе.

Что касается современных представлений о природе и причинах кризисов при капитализме, то особого внимания заслуживают два альтернативных подхода, сложившиеся в рамках австрийско-монетаристских школ и кейнсианского направления.

Интерес, который вызывает подход австрийской школы в трактовке кризисов и способов их преодоления, подогревается тем обстоятельством, что ее лидеры (Л. Мизес, Ф. Хайек) в отличие от большинства экономистов того периода, включая Кейнса, до начавшейся Великой депрессии предупреждали о надвигающейся экономической опасности. Данную школу отличает последовательная защита идей свободного рынка и частного предпринимательства при полном неприятии государственного вмешательства в экономику и, соответственно, бескомпромиссная критика Кейнса и кейнсианства.

Исходным пунктом анализа Мизеса и Хайека, а затем их современных последователей, является предположение об отсутствии объективных причин неизбежности кризисов в рыночной экономике, поскольку рынок совершенен. Один из вариантов объяснения, предложенный М. Ротбардом, следующий: рыночная экономика по своей природе выступает как экономика прибылей и убытков и с этой стороны «располагает встроенным механизмом естественного отбора хороших предпринимателей», а потому «не следует ожидать, чтобы слишком много деловых предприятий несло убытки» [20, с. 154-155]. Иначе говоря, кризис трактуется с точки зрения микроэкономики. Микроэкономическая версия наступления кризиса предполагает, что либо сразу же все предприниматели окажутся неуспешными, либо должна сформироваться некая критическая масса убыточного бизнеса, которая по-

тянет всю экономику вниз. Но такая ситуация практически невозможна в силу самой природы частного предпринимательства и конкурентного механизма рынка, заранее отсеивающего неэффективных предпринимателей. Отсюда М. Ротбард делает вывод, что рыночная экономика не порождает депрессию, последняя «является малоприятной, но необходимой реакцией на искажения и крайности предшествующего бума» [20, с. 159]. Ему вторит Ф. Шостак, утверждая, что рецессия — «это ликвидация ошибок, вызванных предшествующей мягкой денежной политикой» [20, с. 7-8].

То, что исключается возникновение такой критической массы в предпринимательской среде, находит объяснение в способах, которыми достигается предшествующий кризису экономический бум. Как считают сторонники австрийской школы, его искусственная природа вызвана инфляционным расширением банковского кредита, подкрепленным вмешательством правительства и центрального банка. Мизес формулирует данный вывод, на примере возникновения Великой депрессии, следующим образом: «Искусственный „бум“ был вызван расширением кредитования, а также снижением процентной ставки в результате вмешательства банков» [20, с. 108]. «Банки способны без опаски и в унисон расширять кредит только когда существует центральный банк, то есть по существу правительственный банк, пользующийся монополией государственного предприятия, а также благодаря правительству занимающий привилегированное положение в банковской системе» [20].

Если главными виновниками кризисов выступают государственные органы управления, вмешивающиеся в самонастраивающийся рыночный механизм хозяйствования, то в таком случае логичным представляется абсолютное неприятие самой целесообразности государственного регулирования экономических процессов. Как в свое время бескомпромиссно сформулировал вывод последовательный защитник свободного предпринимательства Л. Мизес, необходимо «либо воздержаться от вмешательства в свободную игру рынка, либо передать все управление производством и распределением правительству. Либо капитализм, либо социализм — третьего пути нет» [9, с. 87].

В этой связи одна из главных революционных идей австрийской школы — это предложение об отказе от монополии государства в области выпуска денег с переходом к конкурентной эмиссии, то есть к частным конкурирующим между собой валютам. Доказывается, что

кредитно-финансовая система с центральным банком сама по себе неспособна проводить эффективную денежную политику и становится одним из существенных факторов формирования проинфляционной экономики. Участие правительства в денежном хозяйстве только подрывает стабильность и надежность валют. Считается, что вывод государства из кредитно-финансовой системы становится важнейшим условием исключения самой возможности экономических кризисов в капиталистическом хозяйстве.

О необходимости реформирования финансовой системы современного рыночного хозяйства с близкой к австрийской школе теоретической позиции также высказываются представители монетаристского направления экономической мысли. Хотя они не разделяют негативного отношения «австрийцев» к центральному банку и государственному вмешательству в экономику, но их сближает общий монетаристский подход к трактовке цикла и возникающих кризисов.

Чтобы защитить капиталистическую рыночную экономику от кризисов, монетаристы предлагают разработать модель проведения государством эффективной денежной политики, которую они трактуют в варианте обеспечения ценовой стабилизации за счет сохранения устойчивости денежной единицы, которая достигается регулированием денежной массы. Оно обозначается как «денежное правило» [17]. Отметим, что в современной хозяйственной практике такой подход реализован в политике «таргетирования инфляции», призванной обеспечить устойчивость и стабильность в экономике.

Противоположную позицию относительно природы и причин кризисов при капитализме занимал Дж. М. Кейнс и его современные последователи. Так же, как и Маркс, Кейнс выступал оппонентом научных школ (классической и неоклассической), которые развивали идеи о встроенных стабилизаторах в рыночной экономике, автоматически возвращающих ее в состояние равновесие (полной занятости). Так же, как и марксизму, кейнсианству уже не раз предрекали забвение. Более того, наиболее непримиримыми противниками его «Общая теория» была включена в число 10 самых вредных книг XIX–XX вв. вместе с «Моей борьбой» Гитлера и «Капиталом» Маркса [5, с. 138].

В кейнсианской теории явление кризиса определяется как «внезапная и резкая» смена повышательной тенденции понижательной, тогда как при обратном процессе такого рез-

кого поворота зачастую не бывает. Наиболее важные его черты «связаны с колебанием предельной эффективности капитала». Вот почему «главное объяснение кризиса», по словам Кейнса, «надо искать не в росте процента, а во внезапном падении предельной эффективности капитала». И это обусловлено тем, что ее падение может быть настолько масштабным, что «никакое возможное снижение нормы процента не будет достаточным» [4, с. 386-389].

Что же собой представляет «предельная эффективность капитала» и почему она склонна к резкому падению?

В трактовке данной категории (а ее еще можно интерпретировать как удельную рентабельность приращения «капитального имущества» — основного капитала) обнаруживается следующее совпадение позиций Маркса и Кейнса. Дело в том, что по существу тенденция снижения средней нормы прибыли и падение предельной эффективности капитала характеризуют две стороны общего процесса — появления избыточного капитала, который не находит прибыльного вложения, тем самым обуславливая наступление кризиса перепроизводства. В одном случае речь идет об объективной стороне такого процесса, в другом — о субъективно-психологической стороне.

Важной характеристикой предельной эффективности капитала является то, что она раскрывается с точки зрения «ожидаемого дохода и текущей цены предложения капитального имущества» [4, с. 200]. Иначе говоря, речь идет о предельной эффективности будущих инвестиций. В этом определении ключевое слово «ожидания», которое означает предполагаемое получение прибылей (или убытков), возникающих у предпринимателей по поводу экономической конъюнктуры в будущем. При этом оно формируется в какой-то мере под воздействием рационального расчета, но и в меньшей степени под влиянием собственного опыта и субъективных ощущений (интуиции, расхожих мнений и т. п.). Вот почему инвестиции выступают наиболее нестабильной частью совокупного спроса в сравнении с потребительским спросом. Поэтому манипулирование нормой процента, особенно при ухудшающейся или неустойчивой конъюнктуре, не способно остановить падение предельной эффективности капитала, что в очередной раз нашло подтверждение в современной хозяйственной практике.

Это означает, что Кейнсом была предложена новая трактовка ограничителя (или предела) в предпринимательской экономике. Если тако-

вым для экономистов-классиков и неоклассиков выступают ограниченные ресурсы, для Маркса — противоречивый характер самовозрастания капитала (иначе говоря, противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения), то у Кейнса — неопределенность будущего, которая принимает форму «доверия» в хозяйственной деятельности. Его легко потерять, но совсем непросто восстановить.

В объяснении причины кризиса особо выделим то, что Кейнс, как и марксистская школа, обращается, в первую очередь, к капиталу как центральной категории данного способа производства, видя в особенностях его функционирования истоки возникающих проблем. Если исходить из того, что накопление капитала происходит на основе принципа прибыльности, то тогда для двух научных школ тождественен подход, определяющий в общем плане причины кризиса в хроническом противоречии между производственным потенциалом и возможностями потребления. Различие двух подходов заключается в том, что для Маркса проблема капитала — это общий процесс его самовозрастания (накопления), для Кейнса — это неустойчивость расширения (прироста) производственных активов на рынке капитала, которая определяется рыночными характеристиками такого самовозрастания. За этим скрывается возникающая острая проблема перетока капитала в финансово-спекулятивную сферу, которая стала ключевой для современного капитализма¹.

Таким образом, объяснение причин кризисов при капитализме, предложенное Кейнсом, имеет достаточное количество пересечений и совпадений с подходом Маркса. При этом самое принципиальное отличие между ними заключается в трактовке последствий циклического развития экономики. Для Маркса непреодолимость кризисов при капитализме и неизбежность обострения присущих ему противоречий — все это определяет вывод об исторической его бесперспективности и необходимости в конечном счете смены данного способа производства. Что касается позиции Кейнса, то его теоретическая платформа и свод практических рекомендаций в отличие от Маркса были направлены на защиту капиталистического способа производств и его реформирование.

¹ По этому поводу Кейнс сделал такое заключение: «Когда расширение производственного капитала в стране становится побочным продуктом деятельности игорного дома, трудно ожидать хороших результатов» [4, с. 224].

Такое расхождение в оценках исторических перспектив капитализма заложено в одном принципиальном различии двух подходов. Если Маркс причину кризиса связывал с падением прибыли всего действующего капитала как «нового капитала», то Кейнс снижение предельной эффективности капитала фактически увязывал с падением прибыльности (или предельной эффективности) «будущих инвестиций», которые не могут найти сферы выгодного вложения, то есть не действующего, а прирастающего капитала. Поэтому Маркс исключал историческую перспективу капитализма как системы хозяйства, Кейнс же делал ставку на его потенциал и самообновление. Если Маркс выявил более глубокие и фундаментальные пределы развития капитализма, то Кейнс обнаружил его слабое звено, обусловленное возможностью перетока избыточного и не находящего прибыльного вложения капитала в производство в сферу финансов с развертыванием в ней спекулятивной деятельности. Усиление роли сферы финансов и финансового капитала в зарождении кризисных обвалов подтвердилось реальной историей капитализма. В дальнейшем роль кредитно-долговой модели экономики в кризисах получила развитие в трудах посткейнсианцев (особенно Х. Мински).

Не удивительно, что нынешний мировой кризис и сложности выхода из него способствовали возвращению идей и рекомендаций кейнсианской школы в научный дискурс, заняв важное место в обсуждении вариантов проведения антикризисной политики [13]. Так, его нынешний последователь П. Кругман даже не боится утверждать, что «кейнсианские воззрения остались единственными достойными внимания» и в конечном счете именно их реализм и содержательность позволяют и сегодня считать эту теорию «лучшей из имеющихся теорий о природе рецессий и депрессий» [21]. Поэтому переход к модели экономики, опирающейся на стимулирование эффективного спроса, активно используя для этого государство, остается главным рецептом в борьбе с рецессией и застоем.

Подведем итоги. То, что теория Кейнса в обосновании антикризисной политики в прошлом оказалась результативной и может быть востребованной на современном этапе, подтверждает обоснованность и реалистичность политэкономического подхода. Дело в том, что кейнсианская концепция довольно органично вписана в политэкономическую традицию. При всем ее своеобразии сам выбор в каче-

стве объекта анализа процесса общественного воспроизводства с выделением в нем ключевой проблемы (обеспечения полной занятости), решение которой находится в способности экономики к расширению производства, — все это лежит в русле политэкономического метода. В свою очередь, разработанная им макроэкономическая теория возвратила экономистов к главному объекту изучения в классической политэкономии, каковым выступает национальная экономика в целом. Ведь для неоклассической школы таким объектом изучения изначально выступал микроэкономический уровень, на котором и может реализоваться базовый принцип методологического индивидуализма.

Наконец, в отличие от представителей неоклассической школы Кейнс опирается не на особенности поведения абстрактного индивида («экономического человека»), а на поведенческую психологию, формирующуюся в обществе и в его больших группах людей (массовые слои потребителей, предприниматели, инвесторы и т. д.). Можно считать, что несмотря на психологическую нагрузку, эти категории позволяют проложить определенный мостик от массовой психологии к изучению экономических отношений, возникающих между хозяйствующими субъектами в процессе их производственной деятельности.

Приведенные аргументы дают достаточные основания рассматривать научную школу Кейнса в контексте развития политэкономической традиции. В этой связи вполне оправданна ее трактовка в качестве «кейнсианской системы политэкономии», сформулированная Р. Скидельским — авторитетным исследователем творчества Кейнса [15, с. 208].

Такая характеристика кейнсианства позволяет в заключении высказаться по поводу теоретической и практической важности самого политэкономического метода, и в данном случае применительно к исследованию кризисных процессов [12]. Ведь возвращение в хозяйственную жизнь капиталистических стран масштабных кризисных потрясений в еще большей степени свидетельствует о том, что политэкономическая традиция выявления сущностных, а значит, причинно-следственных и противоречивых основ воспроизводственного процесса как целого, необходима не только для понимания природы кризисов, но и для выработки эффективных антикризисных мер. Ориентация на изучение поверхностных и функциональных связей в экономике мало что дает для этого.

Если теперь обратиться к оценке современного мирового экономического кризиса, опираясь на политэкономический подход, то принципиально важно трактовать его системность в варианте самоотрицания капитала, тогда как выход из него предопределен разрешением противоречий, им порожденных. При этом основной узел противоречий связан с ключевой проблемой перенакопления капитала в механизме воспроизводства уже всего глобального хозяйства и в особенностях его циклического развития. В этом случае еще раз следует подчеркнуть, что смысл политэкономического подхода к экономическим кризисам при капитализме раскрывается посредством выделения теории накопления капитала в качестве их фундаментальной причины. Ведь именно в процессе накопления капитала возникают основные противоречия и ограничения капиталистического способа производства как внутри самого капитала (выражающиеся в снижающейся его прибыльности), так и во внешних взаимодействиях (между трудом и капиталом, производством и потреблением, спросом и предложением, организованностью производства и анархией рыночного хозяйства, необходимостью поддержания пропорциональности и диспропорциональностью и т. д.). Это все то, что формирует комплекс предпосылок и причин, объективно порождающих экономические кризисы при капитализме. Вместе с тем через снятие остроты данных противоречий и их временное разрешение капиталистическое производство преодолевает регулярно возникающие циклические спады, а до последнего времени — и более опасные системные кризисы.

Не случайно неоклассическая ортодоксия не имеет обоснованной разработки кризисной проблематики, поскольку у нее «нет теории накопления капитала». Одновременно отметим, что экономисты, которые исследуют хозяйственные процессы с опорой на политэкономический метод, добиваются серьезного продвижения в объяснении природы кризисных процессов современного капитализма. В качестве примера можно привести теоретико-сравнительный анализ мировой экономики послевоенного периода, проведенный Р. Бреннером [1]. Его подход основан на изучении траектории прибыльности как отражения происходящих процессов в сфере накопления капитала.

Политэкономической трактовке природы мирового кризиса 2008–2009 гг. противостоят разного рода оценки, предлагающие поверхностные характеристики, отличающи-

еся, как минимум, неполнотой. Так, один из признанных творцов современного кризиса А. Гринспен, бывший многие годы руководителем ФРС США, уверен, что «фундаментальная причина» кризиса заключается «в глобальной недооценке риска — аномалии, которая медленно нарастала в течение нескольких лет, приближаясь к историческому максимуму» [3, с. 479].

Такое объяснение фактически означает, что в кризисе виноват не рынок, а люди, принимающие неправильные и опрометчивые решения. Таково стандартное объяснение кризисных провалов, которое предлагают представители разных течений ортодоксального неолиберализма. Особенно в этом случае достается правительству и национальным центральным банкам, ответственным за управление экономикой. Безусловно, человеческий фактор в объяснении кризисных событий должен учитываться. Тем не менее следует понимать, что нормы поведения участников хозяйственной деятельности не возникают абсолютно самостоятельно, а закладываются господствующей системой экономических отношений. Именно в ней находятся фундаментальные истоки наступления кризиса и его характерные черты.

В этой связи заслуживает особого внимания традиционный способ смягчения кризиса перенакопления капитала, который до недавнего времени осуществлялся через завоевание новых рынков, экспансию капитала в развивающиеся страны, а затем включение в свою орбиту постсоциалистического мира. Это позволяло увеличивать вывоз товаров и капитала на периферию мировой капиталистической системы, решая одновременно проблему реализации товаров и обеспечивая сохранение приемлемой рентабельности производства. Современная посткризисная ситуация характеризуется существенным ограничением возможности использования этого традиционного способа. В настоящее время мир стал повсеместно капиталистическим, имея в виду географические параметры и институциональное подчинение капиталу большинства областей социальной деятельности в образовании, культуре, спорте и т. д., которые ранее развивались преимущественно вне рынка. К тому же вызревают крупные сдвиги во взаимодействии теряющего свою ведущую роль нынешнего центра и укрепляющей свои позиции периферии в мировом хозяйстве. Во всяком случае, возникают серьезные ограничения в разрешении проблем перенакопления капитала проверенными в прошлом методами.

Еще один важный аспект связан с произошедшим мировым кризисом. Он касается обострения проблемы перенакопления капитала в глобально организованной экономике, которое совпало с завершением длинного цикла расширения кредита и финансовых рынков. Благодаря «дешевым» деньгам и беспрецедентной доступности кредита повсеместно сложилась ситуация всеобщего бума, что с неизбежностью должно было рано или поздно закончиться. Такая ситуация носила «рукотворный» характер, не соответствующий фундаментальным условиям экономического развития, с опорой, главным образом, на безудержный оптимизм экономических агентов и домашних хозяйств, ведущий к недооценке возникающих рисков и порождающий безответственность.

Можно считать, что в условиях современного глобального капитализма проблема перенакопления капитала, обостряя процесс перепроизводства, дополнилась остротой ее проявления в финансовой сфере. В этой череде кризисных метаморфоз самым показательным фактом стало возвращение традиционного для капитализма кризиса — кризиса перепроизводства. Хотя и в этом случае необходимо учитывать его нынешнюю специфику. В период промышленного капитализма проблема перепроизводства преимущественно касалась сферы производства товаров, что выдвигало на передний план проблему их реализации в условиях наличия избыточных производственных мощностей. Эту проблему удалось, казалось бы, отодвинуть и частично ее снять за счет потребительского кредитования. Но в результате этот способ обернулся возникновением повсеместного долгового навеса, превратив на нынешнем посткризисном этапе задолженность в неразрешимую проблему. Государства, компании, домашние хозяйства — все они погрязли в долгах.

При этом специально подчеркнем, что экономический кризис при капитализме все равно сохраняет свою важнейшую характеристику — выступать кризисом перепроизводства, о чем свидетельствует, с одной стороны, сохраняющаяся проблема задействования неиспользуемых производственных мощностей, масштабы которого влияют на природу и величину спада. С другой — более значительные масштабы падения частных инвестиций в сравнении с другими макроэкономическими показателями, что постоянно наблюдается в кризисные периоды. Ведь такое падение инвестиций обусловлено сокращением спроса и высокими ри-

сками из-за неопределенности хозяйственной ситуации, что в своей совокупности отражает характер перенакопления капитала, не находящего сфер для прибыльного вложения.

В новых условиях острота проблемы перепроизводства дополнительно распространилась на сферу кредита, ценных бумаг и созданных на их основе производных бумаг (деривативов). В докризисный период возникла иллюзия, что за счет такой финансовой избыточности удастся неограниченно расширять спрос и тем самым избежать падения рентабельности капитала, постоянно воспроизводя стимулирующий потенциал в экономике. К тому же предполагалось, что возросшие масштабы глобального рынка и транснационализация хозяйственной деятельности помогут разрешить присущие капитализму противоречия. Однако такого рода надежды оказались несбывшимися. В конечном счете, произошедшее в огромных масштабах перенакопление фиктивного капитала, оторванного от реальных активов, превратило кризис в структурно-системный с весьма тяжелыми последствиями. Такова политэкономическая картина последнего мирового экономического кризиса.

Таким образом, нынешняя фаза развития мировой экономики представляет собой ее вступление в сложный период очищения от накопленных разнообразных диспропорций и масштабной разбалансированности. Всю эту совокупность различающихся циклов объединяет то, что их можно рассматривать в терминах завершенности современного глобального (общемирового) воспроизводственного цикла и наступления нового системного кризиса капитализма. Исчерпанность фундаментальных принципов функционирования мирового хозяйства, опирающихся на непрерывную экспансию денег, капитала, прибыли в глобальном хозяйственном пространстве, обуславливает устранение перекоса сложившейся хозяйственной системы в посредническую и спекулятивную финансовую деятельность.

Поэтому выход из кризиса предполагает не просто устранение неэффективных (убыточных) предприятий, некомпетентного бизнеса, менеджмента и правительств (а может быть, и стран) с использованием очищающего механизма банкротства, но и восстановление хозяйственного порядка на новой структурно-системной основе — технологической, хозяйственной, финансовой, поведенческой и т. д., формирующейся на глобальном пространстве. Он также означает изменения не только краткосрочных, но и средне- и долго-

срочных трендов в главных сферах общественно-хозяйственной деятельности — инновационной, финансовой, ресурсной, социально-политической и др. Через восстановление приоритетности реального сектора экономики и на

этой основе смену хозяйственной модели может быть определен путь к преодолению негативных последствий мирового кризиса и восстановлению устойчивого экономического развития в посткризисный период.

Список источников

1. *Бреннер Р.* Экономика глобальной турбулентности: развитие капиталистической экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
2. *Варга Е. С.* Экономические кризисы. — М.: Наука, 1974.
3. *Гринспен А.* Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. — М.: Юнайтед Пресс, 2010.
4. *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. — М.: Прогресс, 1978.
5. *Кругман П.* Выход из кризиса есть! — М.: Азбука Бизнес, 2013.
6. *Леонтьев В. В.* Экономические эссе. — М.: Политиздат, 1990.
7. *Маркс К.* Капитал. Т. 3. Кн. III. Процесс капиталистического производства, взятый в целом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Изд. 2-е. — Т. 25. Ч. I. — М.: Политиздат, 1961.
8. *Мендельсон Л. А.* Теория и история экономических кризисов и циклов. — Т. 1-3. — М.: Социально-экономическая литература, 1959–1964.
9. *Мизес Л.* Либерализм в классической традиции. — М.: Начала-Пресс, 1994.
10. *Мэнкью Н. Г.* Макроэкономист как ученый и инженер // Вопросы экономики. — 2009. — №5. — С. 86-103.
11. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. — М.: Госполитиздат, 1955.
12. *Рязанов В. Т.* Политическая экономия. Из прошлого в будущее // Проблемы современной экономики. — 2012. — № 2. — С. 81-98.
13. *Рязанов В. Т.* Экономическая политика после кризиса. Станет ли она снова кейнсианской? // Экономика Украины. — 2014. — № 5. — С. 4-27.
14. *Сисмонди Ж. С.* Новые начала политической экономии или о богатстве в его отношении к народонаселению. — М.: Соцэкиздат, 1936.
15. *Скидельски Р.* Кейнс. Возвращение мастера. — М.: Юнайтед Пресс, 2011.
16. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. — Кн. 1-3. — М.: Наука, 1993.
17. *Фридмен М.* Если бы деньги заговорили. — М.: Дело, 1998.
18. *Хаберлер Г.* Процветание и депрессия. Теоретический анализ циклических колебаний. — Челябинск: Социум, 2005.
19. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм, демократия. — М.: Эксмо, 2007.
20. Экономический цикл. Анализ австрийской школы. — Челябинск: Социум, 2005.
21. *Krugman P.* How Did Economists Get It So Wrong? URL: <http://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/> (дата обращения: 19.07.2014).

УДК 330. 33. 01

Ключевые слова: экономический кризис, причины кризиса, экономические школы и кризис, накопление капитала, современный кризис и политическая экономия